УДК 39(517.3)

ББК 63.52

DOI 10.30792/2222-9175-2018-29-26-33

М. М. Содномпилова, Б. З. Нанзатов**БУРЯТЫ МОНГОЛИИ: «МЫ – БУРЯТЫ, НО МЫ – РАЗНЫЕ»**

Буряты Монголии представляют собой крупнейшую часть бурятского этноса за пределами Российской Федерации. Актуальность исследования бурятской диаспоры обосновывается рядом важных проблем. Одна из них – это проблема самоопределения и самопрезентации бурят в современном монгольском обществе. Особый интерес представляет характер групповых связей между разными бурятскими сообществами, сила их влияния. Статья базируется на данных полевых этнографических материалов, собранных авторами в разных районах Монголии и г. Улан-Батор с 2005 по 2010 г.

Ключевые слова: Монголия, буряты, этническое самосознание, диаспоры.

M. M. Sodnompilova, B. Z. Nanzatov**BURYATS OF MONGOLIA: “WE ARE BURYATS, BUT WE ARE DIFFERENT”**

Buryats of Mongolia represent the largest portion of the Buryat people abroad. The research on the Buryat diaspora is a topical issue and its relevance is based on a number of problems. One of them is the problem of self-determination and self-representation of Buryats in modern Mongolian society. Of special interest is the character of group networks between various Buryat communities and the degree of their influence. This article, based primarily on field research data gathered by the authors in various regions of Mongolia and its capital Ulaanbaatar from 2005 to 2010, examines these issues.

Keywords: Mongolia, Buryats, ethnic consciousness, diasporas.

Буряты Монголии представляют собой крупнейшую часть бурятского этноса за пределами Российской Федерации. Они выделяются из монгольского социума историей своего появления в стране, особой ролью в политике Монгольской Народной Республики на ранних этапах ее становления, историко-культурной связью бурят с Россией, политическим статусом бурятского народа в соседнем Советском Союзе. На этой почве сложилось неоднозначное

отношение монгольского большинства к бурятскому меньшинству, живут старые и возникают новые мифы, связанные с разными сторонами жизни и деятельности бурятского этноса в Монголии.

Вопросы эмиграции бурят в разные периоды истории, формирования и функционирования бурятских диаспор в сопредельных странах являются малоизученной областью в отечественном монголоведении. В частности, актуальным является исследование проблемы само-

---

НАНЗАТОВ Баир Зориктоевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: nanzatov@yandex.ru.

СОДНОМПИЛОВА Марина Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: sodnompilova@yandex.ru.

определения и самопрезентации бурят в монгольском обществе, об отношении к ним халха, государствообразующего этноса Монголии, других миноритарных народов Монголии. Чрезвычайно важен вопрос о степени и характере единств/разобщенности бурятского меньшинства, характере групповых связей, их силе и влиянии. Исследованию этих проблем посвящается данная статья, основанная преимущественно на данных полевых этнографических материалов, собранных авторами в разных аймаках Монголии и г. Улан-Батор с 2005 по 2010 г.

Есть основания говорить о специфике бурятской эмиграции в Монголию, повлиявшей на дальнейшее развитие бурятской общности в этой стране. Прежде всего необходимо сказать несколько слов о Монголии, стране эмиграции с позиций ее природно-климатических условий. Территория Монголии, так же как и пространство исторической родины бурят, входит в одну природную зону. В связи с этим географические и климатические условия принимающей страны оказались не только сходными с природным окружением этнической Бурятии, но и даже лучшими в некоторых местах расселения бурят. Кроме того, территория Монголии традиционно входила в систему кочевых маршрутов бурят, которые эпизодически, в условиях неблагоприятных обстоятельств, перекочевывали в монгольские степи.

Буряты являются частью монгольского мира и в этом контексте в эмиграции они оказались в окружении культурно и религиозно близкого им народа. Самим монгольским обществом буряты также не воспринимались как чужеродный элемент. Более того, монгольское правительство предоставило бурятским мигрантам в их распоряжение земли. Для бурят были созданы 6 хошунов, организован Бурят-Монгольский комитет – «Буриад-Монголын хэрэг эрхлэх хурал» (букв. Собрание по бурят-монгольским делам) для решения социальных и экономических проблем бурятских мигран-

тов. Важная роль в решении вопросов, связанных с бурятами-мигрантами, отводится бурятской интеллигенции. Таким образом, перебравшись в Монголию, буряты не оказались в чужеродной среде, которая вызывала бы необходимость формирования классической диаспоры, придерживающейся стратегии изоляции рамками внутриэтнических коммуникаций, противостоящей процессам растворения этноса, его культурной ассимиляции [1].

Тем не менее современные буряты Монголии посредством деятельности общественных организаций, веб-сайтов способствуют восстановлению и освещению отдельных этапов в истории бурятской эмиграции, сохранению важных характеристик национальной самобытности своего народа, содействуют развитию национальной культуры, этнического самосознания, что позволяет говорить о существовании бурятской диаспоры в стране и воспроизводстве этнического самосознания.

Этническое самосознание бурят Монголии представляет результат влияния исторической памяти, смешения стереотипов, жизненных стратегий, норм и ценностей. Дисперсное расселение бурят Монголии, актуальность исторической памяти способствовали сохранению в их среде разных уровней идентичностей.

Бурятское население Монголии, сформированное эмигрантами из России, характеризует общеразделяемая идентичность. Респонденты разного возраста, в т. ч. и дети-школьники, осознают свою принадлежность к бурятскому народу. Кроме того, их объединяет так называемое диаспорное сознание – сохраняемое в памяти людей историческое место исхода (этническая Бурятия).

В сознании монгольских бурят важное место занимает образ малой родины. На территории компактного проживания потомков агинских, хоринских и селенгинских бурят значимость представляет идентичность, выработанная в рамках этнотерриториальных образований XIX в.

Идентичность, в основе которой лежит этнотерриториальное происхождение эмигрантов из Бурятии, выполняет этнодифференцирующие функции в кругу бурятской диаспоры.

«...сам я родился в Хэнтэйском аймаке. Родился в семье сонгоол-бурят-тов...» [II]; «Я хори-бурят. Названия кочевий сейчас точно не помню, но здесь таких же, как мы, много. Все откуда-то с местности Могзон, там (Могзон), говорят, большая дорога была. Из Могзона все хори-буряты» [III].

3. Родоплеменная организация бурятского общества, как и в XIX в., выступает основой групповой солидарности, что обусловило актуальность племенной идентичности.

«...сам я родился в Хэнтэйском аймаке. Родился в семье сонгоол-бурят-тов. После школы поехал учиться в Иркутск. В Иркутске у меня было два друга буряты, которые учились вместе со мной. Но в то время они не знали, что я тоже бурят, все думали, что монгол. Нельзя было говорить, что бурят. Сейчас-то они уже знают. С одним из них я ездил в девяносто первом году на родину предков. Он тоже оказался ашибагатом. Хотя, когда студентами были, не интересовались даже. Потом только когда стало легче ездить, я посещал их, ездил в Улан-Удэ и Ангарск. Сейчас я слышал, что второй из Ангарска тоже в Улан-Удэ перебрался. А когда в Ангарске жил, он меня свозил в Усть-Орду, родину ашибагатов показал, еще на Байкал съездили, там тоже ашибагаты живут...» [III].

4. В среде монгольских бурят имеют значение и родо-земляческие связи, сформированные в границах Монголии. Хэнтэйские и дорнодские буряты представляют одну группу, хубсугульские и булганские – другую, выходцы из Селенгинского аймака – третью и т. д.

«Я окинский бурят, не надо путать с агинскими. Когда говорю, что “ахын буриад”, сразу все переспрашивают “агын буриад?”. Окинские буряты в Саянах живут, мы совсем другие. У наших юрты

деревянные были. Окинских бурят в Монголии очень мало, в отличие от агинских, мы друг другу сильно помочь не можем, только те, кто хорошо устроился. Но я поддерживаю связи с бурятами, с хубсугульскими и булганскими бурятами особенно, хотя сам рос в Архангае. В детстве перебрались из Архангай в Улан-Батор, там с другими бурятами и познакомился. Даже в школе знал, кто буряты. Окинских в городе почти не было, с Дорнода, Хэнтэя в основном, главное, что буряты. Халхи бурят не сильно любят, приходится знаться со своими» [IV].

«Родом я из Хэнтэя. Замуж вышла за местного буряты, теперь здесь живу. Бурят в Монголии много живет. В основном в Дорнодском, Хэнтэйском, Селенгинском аймаках, в Центральном тоже. У нас связи хорошо налажены, буряты, особенно дорнодские и хэнтэйские, друг про друга все знают. Ну и с Улан-Батором хорошие связи. Ко мне разные люди приходят, буряты тоже отправляют. Городские буряты хорошо живут и своих не забывают, поддерживают если надо. Среди бурят и ученые, и врачи, и инженеры есть, сейчас бизнесменов много стало. Мы тут живем и знаем, кто в городе наши. Конечно, не всех. Но хэнтэйских и мунгэнморьтских многих в городе знаем» [V].

5. На начальном этапе эмиграции бурят в Монголию имело большое значение общее самосознание, основанное на исторической памяти о родстве бурятских племен, например, барга – буряты, которые эмигрировали во Внутреннюю Монголию еще в XVI–XVIII вв. [VI]. Часть барга – шинэ барга в начале XX в. переместилась в Монголию. С ними и старались на первом этапе адаптации в Монголии контактировать буряты из России: «Вообще старшее поколение тесно общалось с баргутами – они же нэг ястай (одной кости)»; «раньше барга стремились быть вместе с барга и бурятами. А сейчас это уже неважно» [VII].

6. На современном этапе в Монголии складывается общемонгольская идентичность, которая в самосознании монголь-

ских граждан выражается как халхасская, «поскольку трансформация моноэтнического сообщества в единую монгольскую социалистическую нацию происходила на основе унификации, опирающейся на культуру и язык именно халхасцев» [Бороноева 2010: 277]. При первом обращении к информаторам с вопросом «Кто вы по происхождению? Кем себя считаете?» практически всегда звучит один ответ – «Я халх» с обязательным гордым добавлением «цэвэр халх» (настоящий халх, букв. чистый халх). Только уже в процессе общения выясняется, что информатор может быть на самом деле захчином, урянхайцем или бурятом. Таким образом, «приравнивание доминирующей этнической группы халха с “настоящими/истинными” монголами способствовало установлению иерархии этнических статусов – кто более монгол, а кто менее» [Там же: 275]. По закону скрывать свою этническую принадлежность было нельзя – этот пункт фиксировался в паспорте, но ее можно было выбрать. Неудивительно, что большинство монголов идентифицировало себя как халх.

«Монгольская молодежь – дербеты, баяты, мингаты теперь пишут в паспорте халх. Предпочитают так записываться. Когда семья смешанная, то дети преимущественно выбирают национальность халх. Но лично я считаю, что правильнее считать себя монголом, а не халха» [VII].

Вероятно, что еще более высший статус, чем цэвэр халх, имеет тот монгол, который принадлежит к золотому роду Чингисхана. Такую возможность монгольское население получило в начале 90-х гг., когда правительством Монголии было дано разрешение на выбор фамилии. Огромное число монголов халха носят сегодня фамилию Боржигон, Боржигин, тем самым подчеркивая свою принадлежность к роду Чингисхана. Носители подобных фамилий таким способом претендуют на законность наследования статуса представителя золотого рода.

Этническая социализация у бурят старшей возрастной группы связывается

в основном с семейным окружением – в атмосфере бурятских традиций, праздников, танцевальной и песенной культуры. Дети бурятских эмигрантов хорошо понимали, что они отличаются от своих соседей – халха.

«Моя семья перебралась в Монголию из Кижинги. Жили мы в местности, где в основном нас окружали халхи. Помню, что мы, дети, тогда пели песню, в которой выражалось отношение бурят к монголам:

Модон аяга ухугуй,

Монгол хуухэдтэй тоглухуй.

(Мы не будем пить из деревянной чашки,

Мы не будем играть с монгольскими детьми)» [VII].

Впоследствии это понимание усиливается в период коммунистических репрессий, в ходе которых пострадало множество бурят. Однако это понимание не приводит к актуализации этнического самосознания. Наоборот, из-за страха перед преследованиями происходит отказ от бурятской идентичности. В исторической памяти бурят Монголии тема репрессий не предстает таким трагичным, масштабным событием в сравнении с воспоминаниями российских бурят о том тяжелом времени. Ее стараются избегать в разговорах, старшее поколение редко обращается к этой теме. Только в последние годы силами активистов из числа бурятской интеллигенции разные аспекты этого мрачного этапа в истории бурят Монголии получают широкое освещение. Публикуются списки репрессированных бурят, которые были реабилитированы [Рэгзэндорж 2003]. В настоящее время известны около 2000 фамилий, при этом в списке представлены только те люди, потомки которых подали документы на реабилитацию. Имена же репрессированных бурятских лам, большинство которых были бездетными, остаются неизвестными. В русле этой темы выполнен баннер сайта монгольских бурят www.toonto.mn [Тэрэ хатуу] – кадр с изображением расстрела бурят «зеленошапоч-

никами» из фильма «Мойлхон», выпущенного в прокат в 2008 г. и известного в международном прокате как «A Pearl in the Forest / la Perle des Bois» [Pearl].

Возможно, период репрессий в социальной памяти бурят Монголии «смягчается» такими факторами, как родственное монголоязычное окружение, отсутствие депортаций, сопоставимых с массовыми переселениями народов соседнего государства и ужасными условиями жизни в новых местах их расселения, – трагедии, оставившей неизгладимый след в памяти практически каждой бурятской семьи, живущей в России. Кроме того, в памяти монгольских бурят люди в форме, расстреливавшие дедов и отцов, не имели этнического лица – их называли ного-он малгатай (в зеленых шапках): «“Ехэ ааво” же работал на постройке Университета сельского хозяйства и построил мост “Мира”, который находится в Улан-Баторе, вместе с пленными японцами. Можно сказать, он был таким последним “могиканином” из нашего рода, который не сломился в стенах тюрьмы, продолжал поддерживать связь с заграничными родственниками и передавал традиции молодому поколению. По словам дяди, после освобождения он полностью восстановил хозяйство практически с нуля (потому что “зеленошапочники” конфисковали имущество контрреволюционера) за счет того, что умел поставить “бурятскую избу”. Часто помогал бедным людям, говорят. Именно благодаря ему мы сохранили наш цонгольский дух. Умер он в 1981 году» [Бүү мартагтун!].

– Предки наши пришли сюда в 1915 году, на Богдо-гэгэна смотреть. Остались потом, поселились. Здесь лучше было, чем в России.

– А откуда пришли из Бурятии?

– Я хори-бурят. Названия кочевий сейчас точно не помню, но здесь таких же, как мы, много. Все откуда-то с местности Могзон, там, говорят, большая дорога была. Из Могзона все хори-буряты. С русскими там плохо жить стали, они дрались все время, воровали у бурят, ско-

тину часто воровали, сено наше крали. Говорят тех, кто обратно (в Россию) поехал, всех русские убили.

– А родители ваши как жили?

– Отец мой был столяром. Его арестовали, потом убили. Инструменты отца достались мне, но мне пришлось самому учиться работать с ними... Вообще в то время бурятам тяжело приходилось. Я почти подросток был, бегал, прятался, боялся, что тоже заберут. В 40-е годы, конечно, тоже приезжали, проверяли, но уже не забирали. Можно сказать, мне повезло, что в живых остался [III].

– Мои родители приехали сюда в 1915 г. Они хотели посмотреть на Богдо-гэгэна, потом здесь остались...

– Как тут к бурятам относятся? Раньше что было?

– У нас тут почти у всех отцов убили. Моего отца арестовали, отца жены тоже увезли. Она у меня настоящая цонголка. Нам тяжело пришлось. Работать много надо было. Так и прожили в работе до сих пор. Халхасцы вокруг получше нас жили. Потом нас сильно уже не трогали, после 50-х полегче стало, на нас внимание обращать перестали [VIII].

Таким образом, эта трагическая веха в жизни бурят Монголии в последующем вызвала стратегию сокрытия своей этнической принадлежности.

Из интервью Д. Бямбасурэна (первый премьер-министр Монголии): «Когда я был мальчишкой, в моем родном селе не было ни одного старого бурята. Их всех уничтожили, расстреляли, отправили на каторгу в Россию. В Дадал сомоне, например, в 1937 г. забрали всех бурят, начиная с 17 лет. Когда летом наш айл хотел зарезать барана, звали мужчин-халхов из другого села. Я никогда не забуду, как женщины потом пели песни и плакали всю ночь. Вот так было. Потом бурят забирали в армию и заставляли воевать с казаками. На казахско-монгольской границе до 1953 г. было неспокойно. С тех пор в моем сердце остался горький осадок и вопрос: почему так было?» [Интервью Бямбасурэна].

В силу того что большинство бурятских семей лишилось мужчин – отцов, дедов, многие дети остались сиротами, был уничтожен цвет нации в лице священнослужителей буддийского духовенства и интеллигенции, разрушен механизм межпоколенной трансляции бурятской культуры и, соответственно, идентичности. Вот почему даже дети бурят могли не знать, что они буряты. Так, по воспоминаниям одного из информаторов, оставшегося без отца, он рос в информационном вакууме: «Родственников у нас практически нет, мать воспитала меня одна... Я с детства учился в Улан-Баторе, в обычной школе. По-бурятски дома не говорили, поэтому я сейчас не знаю бурятского языка. В школе я даже и не понимал, кто такие буряты» [IX].

Мрачные страницы в истории бурятской эмиграции после периода репрессий продолжают с окончанием Второй мировой войны. Репрессированные прежде как контрреволюционеры, буряты в период Второй мировой войны вновь получили статус ненадежных, подозреваемых в отношениях с милитаристской Японией в связи с активным участием бурят Внутренней Монголии в административных институтах буферного государства Маньчжурия (Манчжоу-Го). Политика монгольского коммунистического правительства строилась под влиянием советской идеологии, согласно которой буряты Монголии воспринимались как предатели и враги Советского государства. По этой причине с наступлением японцев на северо-восток Китая был ликвидирован один из 6 бурятских хошунов – Халх номрогийн буриад хошуу, а его жители расселены в северные районы Дорнодского аймака, не имеющего общих границ с Внутренней Монголией.

Таким образом, этническая идентичность бурят-мигрантов XX в., осевших в Восточной Монголии, формировалась в контексте негативного опыта политического и экономического кризиса в российско-монгольском трансграничье в первой половине XX в. Этот период

в истории бурятской эмиграции оказал чрезвычайно важное влияние на развитие этнического самосознания восточных бурят Монголии, вероятно, способствовавшее дистанцированию дорнодских и хэнтэйских бурят от хубсугульских и булганских.

Достаточно часто стартовое событие этнической социализации респондентов средней возрастной группы связывается с дискриминацией в образовательной и профессиональной сферах. Многие буряты не придавали значения своему этническому происхождению до того времени, пока речь не заходила о возможности получения высшего образования в СССР. Учиться в стране Советов и странах социалистического лагеря могли только благонадежные граждане Монголии, в число которых буряты не входили.

«Рассчитывать на учебу в Союзе могли в основном халхи. После школы поехал учиться в Иркутск. Если бы узнали, что я бурят, то я бы не смог поехать. В Иркутске у меня было два друга бурята, которые учились вместе со мной. Но в то время они не знали, что я тоже бурят, все думали, что я монгол. Нельзя было говорить, что бурят. Сейчас-то они уже знают» [X].

«Я учился в институте в Москве. По окончании работал в должности главного инженера в городе. Однако даже сейчас большинство моих коллег монголов не знают, что я бурят. Да они, в общем-то, и не подозревают даже, никогда не спрашивали... Я старался не упоминать своих корней. Жил просто, как обычный монгол. Когда я заканчивал школу, я хорошо сдал экзамены и мне предложили учиться в России. Тогда уже понимал, что если скажу, что бурят, то в СССР меня не пошлют. В тот момент я намеренно скрыл, что бурят, и записался как халха. До последнего времени я не думал над тем, бурят я или халха. Жена у меня из Дорнода, но халха. Дети мои сейчас знают, что они наполовину буряты...» [XI].

В настоящее время в контексте возникновения новых фобий, связанных с

мифами об экспансии бурят во власть и бизнес в среде политической элиты Монголии, стратегии сокрытия этнической принадлежности придерживается множество монгольских бурят. Публичная идентификация себя с бурятами в среде современного бурятского общества Монголии обычно не практикуется (она проявляется в общении с бурятами из России, в кругу местных бурят).

«Я на четверть бурят, у меня бабушка бурятка. Она приехала сюда в 1938 году. Всю жизнь скрывала, что бурятка. Я тоже никому не говорю, что имею бурятскую кровь. В Монголии, чтобы продвинуться по работе, лучше быть халха-монголом. Всем говорю, что я “цэвэр халха” – “чистый халха”. Бурятom быть невыгодно, на работе продвинуться не дадут. Буряты только сами своих двигают, поэтому их монголы не сильно любят. Мне легче работать как халха» [XII].

И все же межэтнические отношения в Монголии стабилизируются, и уже представители молодого поколения бурят считают, что в современной Монголии нет необходимости скрывать свое происхождение: большинство монгольских граждан относится к бурятам лояльно.

Поддерживать дружественные отношения между миноритарными народами Монголии склонны другие монголоязычные народы – захчины, торгуты, дархаты, дэрбэты и т. д. Об этом свидетельствует ряд интервью. «Буряты хорошо друг друга поддерживают. Связи есть с разными бурятами из России. Наши буряты в основном из Дорнода и Хэнтэя. В Западной Монголии бурят нет, у нас своих разных народов много: захчины, дэрбэты, баяты, олеты, мингаты... Мы тоже должны своих поддерживать, нас же в Монголии не так много, как халхов... Но поддерживать друг друга и захчинам, и бурятам надо. Не надо между собой ссориться, а то нас халхи никуда не пустят» [XIII].

«Сам я сартул с запада Монголии, с Забхана. Мы сартулы тоже сами отдельный народ. Я знаю, что у вас в Бурятии сартулы есть. Наши некоторые сартуль-

ские ламы к вам уехали, в сартульском храме работают, в Улан-Удэ тоже уехали. Так что буряты нам родственники. В селенгинском аймаке тоже сартулы есть, только они бурятские сартулы» [XIV].

Формирование бурятского этнического анклава в Монголии, начавшись со времен колониального движения русских в Сибирь, завершилось в XX в. Переселение бурят в Монголию в силу культурной близости и отсутствия языкового барьера не рассматривалось мигрантами как эмиграция. Этот смягчающий фактор, а также особенность монгольского государства, где подавляющее большинство составляют народы, находящиеся в культурном и языковом родстве и исповедующие одну религию, подчеркиваются исследователями как основные причины невостребованности концепта этнонаций с их правом на самоопределение. В этой связи особое этнолокальное самосознание у бурят Монголии, так же как и у многих других монгольских народов (узумчин, урянха, баятов, мингатов и др.), не сформировалось. Бурятам, как и другим монгольским народам, свойственен довольно высокий уровень гражданской идентичности, как правило, превалирующий над идентичностью этнической. Им не приходится выбирать гражданскую идентичность в ущерб этнической.

В то же время бурятское население Монголии, сформированное эмигрантами из России, характеризует общеразделяемая идентичность. Респонденты разного возраста, в т. ч. и дети-школьники, осознают свою принадлежность к бурятскому народу.

Формирование этнических групп, скрепленных связями племенного и территориального уровня, обусловило дисперсное расселение бурят в Монголии. Эти связи продолжают выполнять насущную потребность в преемственности, оставаясь в социальной памяти основным звеном в цепочке представлений об образе прошлого, поддерживают групповую идентичность.

Несмотря на актуальность для всех групп бурят Монголии понимания своей общности, между разными локальными группами бурят сохраняется определенная дистанция, отягощенная, главным образом, историческим наследием.

З. Шмыт, констатируя слабую связь между разными группами монгольских бурят, видит начало формирования нескольких бурятских диаспор, формирующихся на основе современных локальных групп бурят [2007: 87].

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 15-01-00243а «Миграции и диаспоры в монгольском мире: стратегии и практики транскультурного взаимодействия».

Примечания

I. Такой стратегии, в частности, придерживаются западные монголы, что проявляется в тенденции заключать браки внутри своей общности.

II. ПМА, бурят (ашибагат-цонгол), г. Багануур, 2008.

III. ПМА, бурят (хори), Мунгэнморьт, Центральный аймак, 2007.

IV. ПМА, бурят (ахын), Тэрхийн Цагаан нуур, Архангайский аймак, 2006.

V. ПМА, бурятка (хори), Мунгэнморьт, Центральный аймак, 2008.

VI. Баргуты Внутренней Монголии сформировались из двух потоков. Первый поток – хуучин барга (старые баргуты), мигрировали примерно в XV–XVI вв. из Прибайкалья. В этническом составе хуучин барга преобладают эхиритские и булагатские племена, наречие хуучин барга близко эхирит-булагатскому наречию бурятского языка. Второй поток – шинэ барга (новые баргуты) мигрировали уже в период завоевания и закрепления русских в Бурятии. Очевидно, с прибытием из Бурятии новых мигрантов и невозможностью их именоваться бурятами (т. к. их маньчжуры должны были выдворять из Цинской империи в пределы Российской империи) появился термин «шинэ барга», а за баргу-бурятами первого потока закрепился термин «хуучин барга». В этническом составе шинэ барга преобладают представители хоринских племен, соответственно, в языковом плане язык шинэ барга близок хоринскому наречию бурятского языка.

VII. ПМА, бурятка (хори), Улан-Батор, 2010.

VIII. ПМА, бурят (табангут-цонгол), Мунгэнморьт, Центральный аймак, 2007.

IX. ПМА, бурят, Улан-Батор, 2008.

X. ПМА, бурят (ашибагат-цонгол), г. Багануур, 2007.

XI. ПМА, бурят, Амарбаясгалант, Селенгинский аймак, 2008.

XII. ПМА, халх, Улан-Батор, 2010.

XIII. ПМА, захчин, Улан-Батор, 2010.

XIV. ПМА, сартул, Улан-Батор, 2010.

Литература

Бороноева Д. Ц. Буряты в Монголии и во Внутренней Монголии КНР: антропология переписи и идентичность / Д. Ц. Бороноева // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике. – Иркутск, 2010. – С. 273–283.

Интервью Бямбасурэна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bilzuuhai.blogspot.com/2010/01/19-2010.html> (дата обращения: 02.05.2010).

Шмыт З. Бурятская диаспора в Монголии. Вопрос идентичности / З. Шмыт // Диаспоры в современном мире. – Улан-Удэ, 2007. – С. 75–89.

Бүү мартагтун! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://buryat-mongolia.info/bloguud/songool/archives/305#more-305> (дата обращения: 08.04.2010).

Рэгзэндорж Р. Монголын буриад ардын амьдралын зарим асуудал (Некоторые вопросы образа жизни бурятского народа Монголии) / Р. Рэгзэндорж. – Улаанбаатар, 2003.

Pearl – A Pearl in the Forest (Мойлхон) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://idugan.com/apearlintheforest/default.html> (дата обращения: 07.04.2010).